

А. В. ОТЛИВАНЧИК*

**ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО В ВОСПРИЯТИИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ¹**

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, «Россия и Европа», Я. Коллар, историософская модель, рецепция, эпистолярные источники, мемуары.

Исследуется рецепция Ф. М. Достоевским цивилизационной теории, изложенной в историософском трактате Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Материалом исследования служат «Дневник писателя», художественная проза Достоевского 1870-х гг., его переписка, деловая и частная корреспонденция сотрудников журнала «Гражданин», их воспоминания о Достоевском.

Сильное впечатление, произведенное на Достоевского фундаментальной историософской работой Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), нашло отражение в целом ряде документальных источников (переписка Достоевского, мемуарные очерки о нем и др.). Отзвуки идей Данилевского ощутимы в романе «Бесы», в многочисленных статьях «Дневника писателя» (1876, 1877, 1880). В плане оценочных характеристик и признаний показателен следующий эмоциональный отклик Достоевского на публикацию начальных глав «России и Европы» в журнале «Заря» (письмо к Н. Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г.): «Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго <...> Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно-давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью <...> Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, – уже осуществленным — стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда» (29₁, 30).

---

* Александр Владимирович Отливанчик, специалист Web-лаборатории Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) — AlexOt@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (Отделение гуманитарных и общественных наук), проект «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)», №17–04–00619.

Восторженные оценки сочинению Данилевского выставлены здесь, безусловно, авансом: Достоевский прочел покамест четыре (из семнадцати) опубликованные к тому моменту «Зарей» главы «России и Европы». Неясность дальнейшего хода рассуждений Данилевского — теоретика, социального философа — вносит в цитированный отзыв Достоевского характерную нотку тревоги: «...сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я всё еще не уверен, что Данилевский укажет в *полной силе* окончательную сущность русского призвания». Она — в раскрытии «перед миром русского Христа <...> По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы» (29₁, 30).

Уже в ближайшем номере «Зари» (1869. № 3) будут опубликованы главы «России и Европы», составляющие сердцевину учения Данилевского о *культурно-исторических типах*, т. е. локальных, «автономных» цивилизациях в составе цивилизации общечеловеческой. Несовместимость общей историософской модели Данилевского с национально-религиозным мессианизмом Достоевского тем самым с очевидностью обнаружится. Поэтому позднейшие по времени отзывы романиста о работе «Россия и Европа» уже не лишены критических выпадов. Впрочем, критика Достоевским труда Данилевского довольно своеобразна. Писатель упрекает ученого в неверии во всемирную миссию России, но как будто не вполне сознает *закономерность* такого неверия для Данилевского-мыслителя, творца философско-исторической доктрины. Ф. М. Достоевский — А. Н. Майкову, 9 (21) октября 1870 г.: «Ну, представьте же Вы себе теперь, <...> что даже в таких высоких русских людях, как, например, автор “России и Европы”, — я не встретил <...> мысли о России, то есть об исключительно-православном назначении ее для человечества» (29₁, 147). «Дневник писателя», 1877 г., ноябрь, гл. III: «С Востока <...> пронесется новое слово миру <...> которое, может, вновь спасет европейское человечество. <...> это великое христианское дело, эта новая деятельность христианства и православия уже начались, <...> а Н. Я. Данилевский всё еще не верит тому» (26, 85–86).

Процитированный выпуск «Дневника писателя», отметим, представляет собой *единственный* случай *печатной* полемики Достоевского с Данилевским. Причем, полемически затрагивая «Россию и Европу», Достоевский и в этот раз оставляет вне критики общую теоретическую конструкцию Данилевского: объектом полемики служит лишь второстепенная, лишенная философского подтекста главка XIV «России и Европы» («Царьград»).

Показательно и другое: разногласия — притом по столь значимому и чувствительному для Достоевского вопросу — отнюдь не перечеркивают в его мнении значение труда Данилевского. В письмах из-за границы А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову (период — с апреля 1869 по март 1870 г. — время, когда Достоевский уже прочел ключевую в смысле его расхождений с автором главу V труда Данилевского) романист называет

«Россию и Европу» произведением «важным в последней степени», предсказывает работе «колоссальную будущность» (29₁, 36, 46); Достоевский тревожится о том, «неужели книга Данилевского “Европа и Россия” не появится отдельно?» (письмо Н. Н. Страхову, 24 марта (5 апреля) 1870 г.), за фразой следуют восклицания: «Да как же это можно? Ради Бога, не забудьте об этом уведомить» (29₁, 115).

Высокие оценки труда Данилевского звучат из уст писателя и позднее, в 1870-е гг. Приведем лишь два важных, но малоизвестных документальных свидетельства. В. Ф. Пуцыкович (секретарь редакции «Гражданина» в период редакторства Достоевского) в мемуарном очерке 1906 г. вспоминает о разговоре между Достоевским и начинающим литератором Вас. И. Немировичем-Данченко (событие не датировано, но по описываемым обстоятельствам относится к 1874 г.²). В разговоре Достоевский дает собеседнику «наставления насчет того, как сделаться хорошим русским человеком и писателем», и в числе прочего советует «хорошо прочитать сочинение» Данилевского “Россия и Европа”, каковой труд “заменял бы ему целый русский университет”³.

Другой факт известен из письма С. Е. Лурье к Достоевскому от 3 сентября 1877 г. В 1876 г. Достоевский давал для прочтения экземпляр «России и Европы» из собственной библиотеки. Писатель, как видно из письма Лурье, был огорчен тем, что книга оказалась непонятой юной читательницей, а историческая концепция Данилевского — несовместимой с ее «западническими» убеждениями (С. Е. Лурье — Ф. М. Достоевскому: «...я в первый раз в жизни слышала и читала что-нибудь подобное. <...> я не могла сразу поверить ему (Н. Я. Данилевскому. — А. О.) и вдруг переменить весь свой образ мыслей» (29₂, 319))⁴.

Почему же в понятии Достоевского «Россия и Европа» — «настоящая книга всех русских», чтение которой могло бы «заменить целый русский университет»?

---

² По свидетельству мемуариста, разговор состоялся у него на квартире, где с конца августа 1873 г. располагалась редакция «Гражданина» (первоначальный адрес редакции и квартиры В. Ф. Пуцыковича: Санкт-Петербург, ул. Малая Итальянская, д. 21, кв. 6 — см.: Гражданин. 1873. № 35. С. 939; в дальнейшем Пуцыкович неоднократно менял местожительство в Петербурге). Вас. И. Немирович-Данченко вернулся в Петербург из северной ссылки в начале 1874 г.; после мая 1874 г. он в «Гражданине» не печатался и не поддерживал отношений с редакцией.

³ Пуцыкович В. Предсказания Ф. М. Достоевского о конституции и революции в России (Из моих воспоминаний) // Берлинский листок. 1906. № 2. С. 6.

⁴ В плане отношений Достоевского и Данилевского в 1870-е гг. показательным и чувственным восприятием самим автором «России и Европы» публицистической и редакторской деятельности Достоевского. 14 января 1873 г. — вскоре после принятия Достоевским должности редактора «Гражданина» — Н. Н. Страхов сообщает в письме А. Н. Майкову: «Данилевский в настоящую минуту уехал по службе, <...> узнав о редакторстве Федора Михайловича, он сказал: “Теперь я охотно бы напечатал в «Гражданине», если бы что-нибудь написал»» (Литературное наследство. 1973. Т. 86. С. 421).

Вопрос об отношении Достоевского к научной концепции Данилевского и о влиянии этой концепции на философско-исторические воззрения писателя редко попадал в поле зрения исследователей творчества Достоевского и никогда не рассматривался подробно и комплексно. Впервые этот вопрос был затронут Д. В. Гришиным, изучавшим «идейный генезис» «Дневника писателя» и проследившим (в монографиях «“Дневник писателя” Ф. М. Достоевского» и «Достоевский — человек, писатель и мифы») преломление в публицистическом замысле Достоевского идей Н. В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»), Ф. И. Тютчева, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, ряда мыслителей-петрашевцев (А. П. Баласогло, Д. Д. Ахшарумова, М. В. Петрашевского; в этом контексте фигурирует и имя Н. Я. Данилевского, к 1860-м гг. давно порвавшего со своим «петрашевским» прошлым⁵). Работе «Россия и Европа» и личности ее автора уделено внимание в комментариях к Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского: указан ряд эпистолярных источников по теме (см.: 18, 352–353; 26, 401); отмечено влияние некоторых идей, а также элементов терминологического аппарата «России и Европы» на «Дневник писателя» (см.: 23, 364, 377; 29, 403) и «Бесов» (см.: 12, 234); дан комментарий к полемике Достоевского с Данилевским по вопросу о будущем международно-правовом статусе Константинополя (см.: 23, 377; 26, 401–402). Позже влияние концепции Данилевского на философскую антропологию Достоевского отмечалось В. Н. Захаровым⁶. Работа польского политолога А. де Лазари «В кругу Федора Достоевского. Почвенничество» (Лодзь, 2000; рус. пер. — М., 2004) содержит раздел «Федор Достоевский и панславизм Николая Данилевского». Автору книги свойственно негативистское восприятие как феномена русского почвенничества, так и теории Данилевского. Содержание исследования «Россия и Европа» трактуется поверхностно и в памфлетных тонах («В работе Данилевского поражает полное отсутствие политической морали»; в ней «русский великодержавный шовинизм XIX в. проявился в наиболее грубой форме»; «Работа Николая Данилевского “Россия и Европа” <...> предоставляла теоретическую базу шовинистам всех мастей» и т. п.⁷); фактическая

⁵ «Нашел отражение в “Дневнике писателя” взгляд Данилевского на историю Европы, как на непрерывную борьбу, окончившуюся “анархией религиозной, т. е. протестантизмом, анархией философской, т. е. всеотрицающим материализмом, который начинает принимать характер веры и понемногу занимает в умах место религиозного убеждения, и анархией политико-социальной, т. е. противоречиями между третьим сословием и пролетариатом”», — отмечает Д. В. Гришин (*Гришин Д. В. Достоевский — человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя»*. Мельбурн, 1971. С. 55; автор цитирует (неточно) гл. XVII «России и Европы» — ср.: *Данилевский Н. Я. Россия и Европа*. М., 1991. С. 478).

⁶ См.: *Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики*. Петрозаводск, 2013. Вып. 11. С. 152–153.

⁷ *Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество* / Пер. с польск. М., 2004. С. 95–96, 103.

сторона вопроса искажена⁸. В целом книга А. де Лазари носит скорее полемический, чем научный характер.

«Россия и Европа» трактуется исследователями русской общественной мысли XIX в. как своеобразный «манифест» неославянофильства⁹ — идейного течения, к которому обычно причисляют и почвенников. Н. Н. Страхов в письме к Достоевскому от 24–25 ноября 1868 г. называет теорию Данилевского «славянофильством в более определенных и ясных чертах»¹⁰. Сам Данилевский опирается в своем труде на теоретические наработки русских славянофилов, а также мыслителей-панславистов из славянского зарубежья (Я. Коллар, В. Ганка, Л. Штур и др.). Феномен славянофильства (либо панславизма) как идейно-мировоззренческого течения объективно являлся «продуктом» национально-культурного возрождения, переживаемого с начала XIX в. русским и другими славянскими народами; этот феномен выразил стремление наиболее сознательных представителей тогдашнего славянского мира заявить о славянстве как об особой — *самодостаточной и самобытной* — цивилизации.

Осознание своей цивилизационной самобытности значило для представителей славянских народов прежде всего уяснение типовых различий между собственной и германо-романской «локальными культурами». Живший еще в XVII в. предшественник панславистского движения хорватский мыслитель Ю. Крижанич уже рассматривал «славянорусский Восток и инороднический Запад» как «два особые мира, два резко различных культурных типа»¹¹. В историософской модели А. С. Хомякова противопоставление миров «классической» Европы и славянства «вписано» в реализуемую во всеобщей истории антитезу культурно-нравственных начал кушитства и иранства. Такое «размежевание» славян с миром Запада подрывало претензии последнего *воплотять в себе «общечеловеческую цивилизацию»* (ср. у Н. Н. Страхова:

---

⁸ Например: «...Страхов (подобно, впрочем, Достоевскому), отстаивая точку зрения Данилевского, оправдывал “справедливые” войны. Применительно к российской действительности это было оправдание во имя национально-государственного единства великодержавности и шовинизма, <...> и еврейских погромов» (Там же. С. 106); в политических прогнозах Данилевского «не нашлось места для независимого польского государства»; «...позицию Данилевского, для которого не существует, например, свободы Польши» (Там же. С. 96, 105; ср.: «...эта счастливая судьба может открыться для Польши и поляков не иначе как при посредстве всеславянской федерации. <...> будучи самостоятельна и независима, в форме ли личного соединения с Россией или даже без оного, она была бы свободна только во благо, а не во вред общеславянскому делу» (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 395)).

⁹ См., например: *Милоков П.* Славянофильство // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 59. С. 313.

¹⁰ Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 260.

¹¹ *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 238–239.

цивилизация Запада «одну себя считает за цивилизацию»¹²) или, как минимум, быть ее постоянным центром. Именно понятие о европейской цивилизации как *цивилизации единственной* обуславливало до начала XX в. европоцентристский монизм западноевропейских социально-философских школ и учений, будь то философия духа Г.-В.-Ф. Гегеля или философия свободы Дж.-С. Милля, расово-антропологическая школа Ж.-А. де Гобино или классовая теория К. Маркса. *Теорию культурно-исторических типов* Данилевского можно назвать наиболее развернутым и подробным выражением «славянского взгляда» на всемирную историю – взгляда, тяготевшего (особенно в начальный период) к дуалистическим и плюралистическим моделям.

Напомним важнейшие положения теоретической конструкции Данилевского. Термином «культурно-исторические типы» ученый обозначил (как уже упоминалось) ряд «самобытных цивилизаций» в составе общечеловеческой или же, более конкретно, «самостоятельные <...> планы религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного <...> развития» этносов и этнических групп¹³. Данилевский указывал на арабский, еврейский, индийский, китайский типы цивилизации, явственно отличные от «западного» типа, а также на самобытный характер цивилизаций древности: Египта, ассирийско-вавилонского мира, античной Греции и т.д. Различия в цивилизациях выводились Данилевским из этнопсихологических, нравственно-религиозных и внешних (наложенных «условиями исторического воспитания») «различий в характере народов»¹⁴. Любой культурно-исторический тип есть «самобытный организм (имеющий свое самостоятельное назначение, находящий в себе самом достаточное оправдание всем своим стремлениям и действиям)»¹⁵, имеющий, наконец, свой внутренний жизненный цикл. Такая цивилизация-«организм» может «входить» в тело другого подобного «организма» не иначе как разрушая или калеча его. Положительный эффект дает только опосредованное, не прямое воздействие одного культурно-исторического типа на другой. Существуют и этносы, неспособные создавать культурно-исторические типы, — эти народы играют в истории служебную роль, составляя так называемый *этнографический материал*. «Всечеловеческое начало» проявляется «разноместно и разновременно» — оно не осуществимо вполне ни в одной локальной цивилизации. Относительная ценностная эквивалентность культурно-исторических типов (по Данилевскому, никакая цивилизация не способна достичь «высшей точки развития <...> во всех сторонах развития») дает человечеству «одно из необходимейших условий успеха

¹² *Страхов Н.* Нечто о характере нашего времени (Несколько слов по поводу одной журнальной статьи) // *Гражданин*. 1873. № 36. С. 980.

¹³ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 85.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 44.

и совершенствования — элемент разнообразия»¹⁶. С этих позиций Данилевский как философ истории отвергал принцип *линейного историзма*, основанный на кажущемся тождестве «судеб всего человечества» «судьбам Европы, или германо-романского племени»¹⁷. Нелинейный ход всемирной истории обусловлен асинхронностью и разнонаправленностью развития местных цивилизаций. «Прогресс состоит не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях»¹⁸.

Мир славянства предстает в данном учении «зародышем новой жизни, нового типа развития, <...> еще одной чертой разнообразия в общей жизни человечества»¹⁹. Как этническая основа нарождающейся особой цивилизации славянство рядоположно и *потенциально равнозначимо* германо-романской общности народов. Трактовка Данилевским феномена славянства, собственно, находится в русле панславистских концепций XIX в. Так, Я. Коллар (представитель чешского возрождения начала XIX в.) задолго до Данилевского уже ставил вопрос о *всемирно-исторической* будущности славянства: «Co my v knize lidstva býti máme» («Чем мы станем в книге человечества» — чеш.), и даже предсказывал славянам, хотя и в достаточно отдаленной перспективе, торжество над Западной Европой²⁰. Достоевский полагал, что с освобождением славян от политической власти и *духовной опеки* иноплеменников «вдвинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая <...> не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно» (25, 9).

Предъявив права на «самостоятельность и саморазвитие» в «неблагоприятное» время («Запад <...> находится в апогее своего цивилизационного величия»), культурно-исторический тип славян, разумеется, рискует не выдержать конкуренции с сильным западным соседом. Германская цивилизация, давно политически подчинившая ряд славянских народов, способна вытравить или непоправимо деформировать «скромные задатки новой культуры» славян²¹. В этом случае цивилизация славян «распустится в этнографический материал», «растворится в европействе и только утучнит собою его почву»²². Из этого следует необходимость борьбы славянства (при вооруженной поддержке со стороны России) за политическую независимость от Турции и Австро-Венгрии; не в меньшей степени необходима

---

¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 109, 426.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 87.

¹⁹ Там же. С. 317.

²⁰ Kollár J. Slávy dcera. Vídeň, 1852. Pag. I. S. [143, 152, 203].

²¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 164.

²² Там же. С. 402.

самозащита славян от западного культурно-цивилизационного воздействия.

Влияние историсофской концепции Данилевского (точнее, ее элементов) на общественные идеи «позднего» Достоевского довольно многогранно. Оно проникает и в художественное творчество писателя: так, в романе «Бесы» наиболее близкий автору герой Шатов в разговоре со Ставрогиным (ч. II, гл. I) по сути воспроизводит рассуждения Данилевского о вкладе в мировую цивилизацию древнегреческого, древнеримского и еврейского народов (соответствие отмечено Н. Ф. Будановой (см.: 12, 234)); этот же персонаж оперирует термином Данилевского «этнографический материал» (10, 199, 200). Сам Достоевский заимствует у Данилевского и активно использует в «Дневнике писателя» метафорическое уподобление локальной цивилизации *организму*. «Дневник писателя» 1880 г., август: «Неужели <...> не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой <...>? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм? А еще толкуют о естественных науках!»; «...обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского» (26, 132–133, 168). Встречаем в статьях Достоевского и восходящее к «России и Европе» представление о фазах жизненного цикла «организма» локальной культуры: «Ускорять <...> искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно. Мы видели пример на себе <...> еще два века тому назад хотели поспешить и всё подогнать²³, а вместо того и застряли» (21, 93). Используемые в «Дневнике писателя» термины *Всеславянство* и *всеславянский* (см.: 23, 49, 103; 25, 20, 40, 66 и др.) также восходят к понятийному аппарату сочинения Данилевского²⁴, а через его посредство – к концептам Я. Коллара *Všeslavia* и *všeslavost*²⁵. Наконец, воинственные («милитаристские») настроения, столь неожиданно для многих заявляемые «великим писателем-гуманистом» (именно такая репутация издавна создана Достоевскому), например в письме А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. («...нам нечего бояться даже <...> европейской войны за славян» (29, 146)) и затем многократно воспроизводимые им в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг., также возникают у романиста не без сильного влияния «России и Европы» (во всяком случае, в 1870 г., на момент цитированного письма Майкову, еще не было объективного *информационного*

²³ Речь о Петровских реформах.

²⁴ См., например: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 69, 326, 357–358, 362–364, 384–388.

²⁵ *Kollár J. Slávy dcera.* Pag. I.S. [142]. Понятия *всеславянство* и *всеславянский* в 1870-х гг. были восприняты, кроме Ф. М. Достоевского, публицистами славянофильских изданий («Заря», «Беседа»); иногда эти термины использовались и оппонентами славянофилов (см.: *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 282, 285, 304).

повода говорить о будущей «европейской войне за славян»). Еще один пример воздействия на Достоевского-мыслителя цивилизационной концепции Данилевского приводит (по-видимому, сама о том не подозревая) корректор журнала «Гражданин» В. В. Тимофеева в мемуарном очерке «Год работы с знаменитым писателем». Согласно мемуаристке, критикуя однажды в разговоре с ней стремление западников «искусственно пересаживать к нам Европу», Достоевский употребляет такой характерный аргумент: «И Рим погиб оттого, что начал пересаживать к себе Грецию»²⁶. Аргумент, как удалось нам установить, заимствован писателем из «России и Европы», где был употреблен Данилевским в главе V: «...принятие чуждых греческих элементов или отравило, или <...> поразило бесплодием все те области жизни, в которые они проникли» (нравы, философия, пластические искусства, драма, эпос римлян), «и только в том, в чем римляне остались римлянами, произвели они нечто великое»²⁷. Это соответствие не было отмечено ни самой В. В. Тимофеевой (которая, вполне возможно, не читала «Россию и Европу»), ни комментаторами при переиздании ее очерка.

Вместе с тем о последовательном принятии Достоевским (как русским мессианистом и, следовательно, сторонником монистической модели мировой истории) теории культурно-исторических типов говорить, конечно, не приходится. Основная ценность учения Данилевского о «замкнутых цивилизациях» могла состоять для Достоевского-полемиста в возможности с позиций этого учения мысленно резко отграничивать славянскую и православную Россию от германороманского Запада Европы, воспитанного в католической духовной традиции. Элементы цивилизационной теории Данилевского использовались Достоевским-публицистом всегда выборочно и инструментально, лишь постольку, поскольку могли являться вескими аргументами в полемике с европоцентристами-«западниками».

Библиографический список

- Гришин Д. В. Достоевский — человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн, 1971.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2013. Вып. 11.
- Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3.
- Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Пер. с польск. М., 2004.

²⁶ Тимофеева В. В. Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 180.

²⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 95–96.

- Ланский Л. Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Лит. наследство. 1973. Т. 86.
- Милоков П. Славянофильство // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 59.
- Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
- Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940.

Otlivanchik A. V.

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL DOCTRINE
OF N. YA. DANILEVSKY IN THE PERCEPTION
OF F. M. DOSTOEVSKY: ON DOCUMENTARY SOURCES

Key words: N. Ya. Danilevsky, “Russia and Europe”, J. Kollar, historiographical model, reception, epistolary sources, memoirs.

The article examines reception of F. M. Dostoevsky of the civilizational theory outlined in the historiographical treatise of N. Ya. Danilevsky “Russia and Europe”. The material of the study are “Writer’s journal”, Dostoevsky’s artistic prose of the 1870s, his correspondence, business and private correspondence of the employees of the magazine “Grazhdanin”, their memories of Dostoevsky.

References

- Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa*. Moscow, 1991.
- Grishin D. V. *Dostoevskiy — chelovek, pisatel’ i mify. Dostoevskiy i ego “Dnevnik pisatelja”*. Melbourne, 1971.
- Kljuchevskiy V. O. *Sochineniya*: V 9 t. T. 3. Moscow, 1988.
- Lanskiy L. R. *Dostoevskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov (1837–1881). Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 86. Moscow, 1973.
- Lazari A. de. *V krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo*. Moscow, 2004.
- Miljukov P. Slavjanofil’stvo. *Enciklopedicheskiy slovar’*: v 82 t. Ed.: F. A. Brockhaus, I. A. Efron. Vol. 59. St. Petersburg, 1900.
- Nikitin S. A. *Oчерки по istorii yuzhnyh slavyan i rusko-balkanskih svyazey v 50–70-e gody XIX v.* Moscow, 1970.
- Pis’ma N. N. Strahova F. M. Dostoevskomu. Publication of A. S. Dolinin. *Shestidesyatyie gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu*. Moscow; Leningrad, 1940.
- Zaharov V. N. *Hudozhestvennaya antropologiya Dostoevskogo. Problemy istoricheskoy poetiki*. Issue 11. Petrozavodsk, 2013.